

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

УДК 316.4

Гендерные установки иммигрантов в России (на примере представлений о равенстве образовательных возможностей)

А. А. Эндрюшко

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Российская Федерация, 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5

Для цитирования: Эндрюшко А. А. Гендерные установки иммигрантов в России (на примере представлений о равенстве образовательных возможностей) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. Вып. 1. С. 65–80.
<https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.104>

Отношение к гендерному равенству имеет значимые различия в разных странах мира. Особенно сильно эти различия ощущаются в миграционных перемещениях, когда люди сталкиваются с другими гендерными режимами, а миграция может выступать катализатором изменений в гендерных установках и отношениях. Данная статья посвящена изучению представлений о гендерном равенстве иммигрантов из постсоветских стран в России (на примере отношения к образовательным возможностям), а также их сравнению с аналогичными установками россиян. Эмпирическую основу исследования составил опрос иммигрантов из стран СНГ, Украины и Грузии (осень 2020 г., 700 респондентов). Данные по россиянам взяты из седьмой волны Всемирного исследования ценностей (2017 г., 1810 респондентов). Показано, что, несмотря на общее историческое прошлое, гендерные установки иммигрантов и россиян различаются — первые чаще солидаризируются с тезисом о большей важности высшего образования для мальчика, чем для девочки. Для каждой из сравниваемых групп выявлены предикторы влияния на гендерные установки. Для россиян оказались значимы пол, положение на рынке труда и число детей. Для иммигрантов предикторами патриархальных гендерных представлений стали старший возраст, низкий уровень образования и приверженность мусульманской религии. Расширенная регрессионная модель с дополнительными факторами для иммигрантов также позволила сделать вывод о том, что не длительность проживания мигрантов в стране приема влияет на трансформацию их гендерных установок, но намерение связать свою жизнь с Россией, формирование

общероссийской идентичности (чувства общности с гражданами РФ). Вместе с тем положение России как страны, не преодолевшей проблему гендерного неравенства (50-е место в мировом рейтинге), вкупе с патриархальными представлениями части россиян могут позволить иммигрантами не спешить с пересмотром собственных гендерных установок.

Ключевые слова: иммигранты, культурная интеграция, гендерное неравенство, гендерные установки, патриархальные ценности.

Несмотря на трансформацию культурных норм в связи с процессами глобализации, межстрановые сравнительные исследования демонстрируют многообразие представлений о традиционных гендерных ролях, а патриархальные ценности остаются широко поддерживаемыми в значительном числе стран мира.

Отношение к гендерному равенству исследуется через представления о доступе мужчин и женщин к экономическим ресурсам, образовательным и политическим возможностям, а также об их правах, обязанностях, подходящих ролях и положении в обществе. Эти вопросы рассматривают в контексте теории модернизации, предлагающей упорядочивать страны по шкале от менее до более современных, в том числе с опорой на традиционные или современные гендерные режимы [1, р. 9]. Процесс модернизации, в свою очередь, связан с индустриализацией, переходом к промышленному производству, в результате чего большое число детей в семье становится экономически нецелесообразным, женщинам выгоднее выйти на рынок труда, чем оставаться дома. Это снижает социальную сплоченность, усиливая индивидуализм [2], а семья и религия перестают быть основными социальными интеграторами. Такие изменения приводят к секуляризации общества, снижению роли религиозных моральных стандартов [3]. Сопровождающий индустриализацию экономический рост приводит к более либеральным ценностям [4].

Особую актуальность вопросы гендерного равенства приобретают в контексте миграционных процессов, особенно при перемещении людей из развивающихся государств в более экономически развитые, из обществ с преобладанием традиционных гендерных режимов в более ценностно либеральные. Миграция в таком случае может выступать катализатором изменений в гендерных установках [5], трансформировать гендерные отношения [6]. Европейские исследователи рассматривают трансформацию ценностей (в том числе гендерных) в качестве главных факторов культурной интеграции иммигрантов в принимающее общество [7].

Данная статья посвящена изучению гендерных установок иностранных мигрантов¹ из стран СНГ, Украины и Грузии в России на примере отношения к образовательным возможностям, а также их сравнению с аналогичными представлениями россиян.

¹ Под мигрантами в данном исследовании понимаются иностранные граждане, проживающие в России на постоянной или временной основе. Термины «иммигрант» и «мигрант» употребляются как синонимы.

Обзор исследований: взаимосвязь миграции и изменений гендерных установок

Взаимосвязь гендерных режимов и миграции затрагивается в значительном числе исследований. С одной стороны, гендерные отношения в стране исхода влияют на принятие решений о миграции. С другой — интеграция мигрантов в стране приема может сопровождаться трансформацией гендерных установок не только самих мигрантов, но и их близких на родине.

На принятие решений о том, кто отправляется в миграцию (мужчина, женщина, семья), в значительной мере влияют экономические факторы, такие как структура рынка труда в принимающих странах (например, потребность в домашних работниках, которыми выступают в основном женщины). Однако ценностно-нормативные причины (уровень патриархальности посылающего общества) тоже являются значимыми. В странах с традиционными гендерными режимами женская миграция зачастую осуждается [8], в то время как мужская, напротив, приветствуется и позволяет повысить социальный статус [9]. В этом случае воспроизводится гендерное неравенство и ограничиваются права женщин. Гендерное равенство, напротив, выступает ключевым фактором легитимации женской миграции, особенно образовательной [10].

Аккультурация (ассимиляция) иммигрантов в принимающем обществе изначально представлялась как линейный процесс, сопровождающийся трансформацией и заменой их ценностей [11; 12]. В дальнейшем такое представление было опровергнуто, более поздние теории показали вариативность сценариев адаптации мигрантов. Это касается и гендерных отношений — предположение о том, что миграция сама по себе является фактором их трансформации, не подтвердилась, особенно в исследованиях, посвященных женской миграции. Движение женщины по континууму от традиционализма до современности не происходит лишь на основе переезда в развитую страну, оно связано с типом и формами миграции [13], а также с исходной социально-экономической позицией [14]. В случае семейной миграции и выхода женщины на рынок труда в стране приема, также необязательно происходит трансформация гендерного режима. Так, если женщина выходит на работу по требованию семьи (и вынужденно), традиционные гендерные отношения сохраняются [15]. В некоторых случаях (особенно если переезжает нуклеарная семья) отношения между мужем и женой могут стать более равноправными [16].

А. Л. Рочева на основании анализа исследований выделила четыре механизма трансформации гендерных отношений мигрантов:

- 1) торг (перераспределение властных полномочий в семье в связи с миграцией и выходом женщины на рынок труда);
- 2) возвращение к гендерному равенству (снижение социального контроля со стороны родственников и окружения при переезде);
- 3) компенсация (усиление патриархальных гендерных порядков в связи с нисходящей социальной мобильностью в новой стране);
- 4) ассимиляция в гендерное равенство (мигранты принимают ценности и нормы принимающего общества) [17, с. 56].

Описанные механизмы, безусловно, не являются универсальными и не описывают весь спектр возможных трансформаций. Теория сегментной ассимиляции также демонстрирует, что ни иммигранты, ни принимающее общество не являются однородными, и интеграция может происходить в его разные сегментах [12]. В том числе мигранты могут инкорпорироваться в этническое сообщество, что будет способствовать сохранению гендерных режимов посылающего общества.

Значимым фактором в процессах трансформации гендерных отношений является уровень религиозности мигрантов. В европейском контексте это относится в первую очередь к мигрантам-мусульманам. Например, среди турецких мигрантов в Германии основным предиктором традиционных гендерных представлений выступает уровень религиозности, в то время как для коренных немецких жителей этот фактор такого значения не имеет [19].

Исследования на стыке гендера и миграции подвергаются критике за стереотипизацию мужчин-мусульман как патриархально настроенных и агрессивных, ущемляющих права женщин, в то время как они неоднородны, различаются между собой гендерными установками, могут состоять в равноправных партнерствах [20].

В исследовании В. Костенко показано, что ценностная интеграция мигрантов-мусульман в Европе происходит довольно быстро — для нее нужно около 5 лет. Мигранты-мусульмане почти в равной степени с коренными жителями поддерживают гендерное равенство в сфере оплачиваемого труда (разница составляет всего 7 % в пользу немигрантов). Одновременно с этим население стран Арабского Востока (государств исхода мигрантов) поддерживает данный тезис в четыре раза чаще, чем жители европейских стран немигрантского происхождения [21]. Такие результаты справедливы для стран с высоким уровнем гендерного равенства (Нидерланды, Швеция). В странах с более консервативными гендерными отношениями (например, Португалия) разрыв между мигрантами и местными будет меньше, а может, даже мигранты-мусульмане окажутся менее патриархально настроенными в части гендерных установок.

В российском контексте роль ислама в интеграции мигрантов в российском обществе исследовали Г. Юсупова и Э. Понарин. Авторы показывают, что мигранты-мусульмане в России могут стать более верующими ввиду тяжелых условий жизни [22]. Подобная практика скорее будет способствовать сохранению гендерных установок страны исхода, чем трансформации их культурных норм.

Таким образом, транснациональная миграция и гендерные установки взаимосвязаны. С одной стороны, гендерный режим в отправляющем обществе влияет на миграцию, с другой — гендерные отношения могут меняться в связи с миграцией. Трансформация гендерных установок мигрантов происходит нелинейно и зависит от характеристик и мигрантов, и принимающего общества.

Отношение к гендерному равенству в России и постсоветских странах

Гендерное неравенство остается важной составляющей общей проблемы неравенства в мире. На его воспроизводство влияет большое число факторов, среди которых важную роль играет культурный, выражающийся в восприятии гендерных ролей [23]. Представления о роли мужчин и женщин в частной и публичной

сферах формируются на основе социальных норм, принятых в конкретном обществе, а также зависят от уровня модернизации и религиозных традиций. Мнения о равенстве возможностей мужчин и женщин в разных сферах жизни — хотя и недостаточное, но необходимое условие для укрепления гендерного равенства [23, р. 149–153].

Несмотря на общее историческое прошлое России и постсоветских государств, современные гендерные режимы в них имеют значимые различия от страны к стране. В Советском Союзе гендерный порядок хоть и был неравномерным в разных республиках, но в общих чертах определялся как патерналистский, формально основанный на равноправии полов. После распада СССР новые независимые государства де-юре взяли курс на формирование гендерного равноправия, поочередно принимая соответствующие законодательные акты (подробнее см.: [24]). Де-факто национальные власти столкнулись с влиянием разных акторов, в том числе религиозных, настойчиво требующих «возвращения к истокам родной для каждой из этих стран культуры» [24, с. 13]. В основных странах — донорах миграции в Россию (страны Средней Азии и Закавказья) усилилось влияние традиционной исламской культуры с ее строгими патриархальными ценностями. Сегодня там доминирует традиционный уклад жизни, существует довольно строгая иерархия между мужчинами и женщинами. В религиозной постсоветской Армении также преобладают крайне консервативные семейные ценности [25]. Только в Беларуси и на Украине (а также в странах Балтии) не наблюдается усиления консервативных гендерных режимов [26, с. 101].

В России ситуация довольно неоднородная. С одной стороны, среди постсоветских государств (за исключением прибалтийских) РФ отличается определенной либеральностью взглядов в отношении семейных ценностей [26, с. 101]. С другой — представления россиян о гендерных ролях в семье соответствуют традиционному патриархальному разделению этих ролей [27]. Также показано, что более религиозные девушки в России придерживаются более патриархальных взглядов, для них главным в жизни является семья, в то время как для нерелигиозных — саморазвитие. Семья для последних также имеет большое значение, что приводит к ролевому конфликту и формированию неопределенной гендерной идентичности у женщин; происходит размытие патриархальных представлений о гендерных ролях [28]. Кроме того, существуют региональные различия в гендерных режимах, например между северокавказскими республиками и Центральной Россией [29].

Иными словами, в российском обществе наблюдаются как патриархальные, так и эгалитарные гендерные установки. Российское общество также принимает иммигрантов из стран с разной степенью консервативности взглядов на эти вопросы.

До сих пор не было предпринято попыток рассмотреть гендерные установки иммигрантов в России в контексте их интеграции в принимающее российское общество. Задача данной статьи — понять, насколько соотносятся гендерные установки россиян и иммигрантов в контексте интеграции последних.

Данные и методы

Эмпирической базой исследования является опрос мигрантов из постсоветских стран в России, проведенный в ноябре 2020 г. коллективом Сектора миграционных и интеграционных процессов Института социологии ФНИСЦ РАН. Опрос

граждан стран СНГ, Украины и Грузии проводился в Москве и Московской области с помощью планшетников — CATI (Computer Assisted Telephone Interview). При проведении опроса котирировалась численность респондентов по странам исхода мигрантов с опорой на данные ГУВМ г. Москвы. Опрошены «снежным комом» 700 респондентов. Гендерные установки изучались по методологии Всемирного исследования ценностей (далее — WVS)².

Выборка нерепрезентативна в отношении выходцев из разных государств, поэтому мы рассматриваем иммигрантов обобщенно. 84 % опрошенных составляют выходцы из стран с преобладанием мусульманской культуры (Азербайджана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана) и высоким уровнем религиозности и консервативности (Армения, Грузия). Этническая принадлежность мигрантов (по самоидентификации респондентов) в основном соответствует титульной национальности страны исхода³.

Для сравнения установок иммигрантов и принимающего общества представления россиян анализировались на основе данных седьмой волны WVS, проведенной в 2017 г. (1810 респондентов)⁴. Подавляющее большинство выборки составляют этнические русские (85,7 %), еще 13,5 % — люди других национальностей.

В методологии Всемирного исследования ценностей отношение к гендерному равенству исследуется с помощью индикаторов, в числе которых представления о социальных ролях мужчин и женщин, их равном доступе к оплачиваемой работе и образованию. В нашем исследовании для анализа уровня поддержки гендерного равенства использована переменная, демонстрирующая представления о равном доступе мужчин и женщин к образовательным возможностям: «Вы согласны, что высшее образование важнее для мальчика, чем для девочки?» Шкала ответов состоит из четырех вариантов, где 1 — полностью согласен, 4 — полностью не согласен.

Мы анализируем представления иммигрантов и россиян об образовательных возможностях, а не мнения о равенстве в сфере труда, частной жизни или политике. Во-первых, для трудовых иммигрантов выход женщины на рынок труда может быть вынужденной мерой, и с учетом общего советского прошлого для старшего поколения это не будет культурным шоком. Во-вторых, образование выступает мостом между общественным миром занятости и частным миром семьи, способствуя расширению прав и возможностей женщин и в конечном счете влияя и на их занятость, и на рынок труда.

Для анализа используется бинарная логистическая регрессия. Зависимой переменной выступает отношение к равенству возможностей в образовательной сфере, которая была перекодирована в бинарную: 1 — респонденты с патриархальными гендерными установками (полностью согласны или согласны, что высшее образование важнее для мальчика, чем для девочки), 2 — с эгалитарными установками (полностью не согласны или не согласны с предложенным утверждением).

² См. официальный сайт Всемирного исследования ценностей: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

³ Среди приехавших из Таджикистана 13,9 % узбеки, из Узбекистана — 5,1 % таджики, а также 21, 12,5 и 29 % из Беларуси, Молдовы и Украины соответственно отнесли себя к русским.

⁴ См.: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>.

Представления иммигрантов и россиян о гендерном равенстве в сфере образования

Равенство мужчин и женщин в сфере образовательных возможностей неодинаково оценивается иммигрантами и местными жителями. Среди первых около 40 % придерживаются в этом вопросе патриархальных взглядов (сумма ответов «полностью согласен» и «согласен»), среди вторых — около 70 %, напротив, имеют эгалитарные представления (сумма ответов «не согласен» и «полностью не согласен», табл. 1).

Таблица 1. Гендерные установки в сфере образовательных возможностей иммигрантов и россиян

Вы согласны, что высшее образование важнее для мальчика, чем для девочки?	Иммигранты, 2020 г.	Россияне, 2017 г.
Согласен	39,5	27
Не согласен	54,7	69,4
Нет ответа, затруднились	5,6	3,6
Всего	100	100

Значимо различаются доли тех, кто ответил «полностью согласен»: таковых среди иммигрантов 27,6 %, среди россиян — 7,7 %. В то же время несогласие более резко высказывают иммигранты, среди них полностью несогласных с данным утверждением 46,3 %, россияне аналогично ответили в 23,3 % случаев.

Р. Ф. Инглхарт (R. F. Inglehart) и П. Норрис (P. Norris) показали, что на представления о гендерных ролях влияют такие факторы, как возраст, пол, доход, религиозность, статус занятости, семейное положение и наличие детей [23]. В. Костенко, изучая гендерные установки в сфере оплачиваемого труда у мигрантов-мусульман в Европе, показала, что фактически отсутствуют различия в представлениях между «местными» и «неместными»⁵, однако миграционный статус приобретает значимость при проверке интерактивных эффектов с такими характеристиками, как пол, возраст, принадлежность к мусульманской религии или происхождение из мусульманской страны [21, с. 175].

Для выявления факторов, влияющих на представления о гендерном равенстве в образовании, были построены регрессионные модели (табл. 2). На первом этапе, чтобы выявить значимые предикторы для иммигрантов и россиян, для каждой из групп независимыми переменными были⁶: пол, возраст, уровень образования, положение на рынке труда, семейное положение, самооценка материального положения, а также приверженность какой-либо религии. Кроме того, проверялся фактор наличия детей, но в силу отсутствия сопоставимых вопросов для россиян это было количество детей, а для иммигрантов (и что для них более важно) — проживание с детьми в России, наличие детей в стране исхода.

⁵ Стоит учитывать, что в европейском контексте мигранты — это сограждане иного иммигрантского или этнического происхождения.

⁶ Для россиян уровень R^2 в модели очень низкий, что говорит о необходимости включения в нее других факторов.

Таблица 2. Регрессионные модели гендерных установок для иммигрантов и россиян

Опорная категория: патриархальные представления	Зависимая переменная: установки о гендерном равенстве в сфере образовательных возможностей	
	россияне	иммигранты
Пол (женский)	0,313**	0,148
Возраст	–0,002	–0,023**
Образование:	Опорная категория — среднее	
ПТУ, колледж	–0,064	–0,796**
Высшее	0,103	–0,496*
Положение на рынке труда:	Опорная категория — работающие	
Безработные	0,550***	–0,709
Другое ⁷	0,229	–0,446
Самооценка материального положения	–0,009	0,023
Семейное положение:	Опорная категория — в браке	
Разведенные	–0,113	0,257
Вдовы	–0,268	0,314
Одинокие	–0,200	0,660
Религия: Ислам	–0,085	Опорная
Православие	Опорная	–
Православие и другие христианские религии (для иммигрантов) / Другие религии (для россиян)	–0,345	1,867**
Неверующие / не исповедуют никакую религию	–0,452	0,266
Религиозность (как важен Бог)	0,11	–
Число детей:	0,220**	–
Наличие детей в РФ (нет)	–	0,225*
Наличие детей в стране исхода (нет)	–	–0,186*
Число наблюдений	1546	658
R ² Кокса и Снелла	0,024	0,163
R ² Нэйджелкерка	0,035	0,219
–2 Log — правдоподобие	1776,252	778,284
Х ²	38,159** (df= 15)	116,747*** (df= 14)

Примечания: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

⁷ Включая домохозяек, находящихся в декрете, студентов, пенсионеров.

В регрессионной модели для россиян значимыми факторами оказались только пол, положение на рынке труда и число детей. Мужчины более патриархальны в отношении изучаемых представлений, чем женщины. Наиболее эгалитарные гендерные установки демонстрируют работающие россияне, патриархальные — безработные. Число детей положительно связано с патриархальностью представлений о гендерном неравенстве — с увеличением числа детей их вероятность уменьшается.

Для иммигрантов предикторы консервативных гендерных взглядов иные — возраст, уровень образования, религия, а также нахождение детей в РФ или стране исхода. Возраст отрицательно связан с признанием гендерного равенства, а дополнительный анализ показывает, что наиболее эгалитарными в своих представлениях являются люди 21–30 лет. Высшее образование вносит значимый вклад в преодоление патриархальности установок мигрантов, предиктором которых выступает образование не выше среднего. Ожидаемо менее эгалитарных взглядов придерживаются респонденты, исповедующие ислам. Важный вклад в формирование представлений о гендерном равенстве для иммигрантов вносит место проживания их детей — те, кто привез детей в Россию, имеют и более эгалитарные представления; оставление их на родине — предиктор патриархальных взглядов.

На втором этапе в регрессионную модель для иммигрантов к перечисленным выше факторам были добавлены неприменимые к россиянам, но важные для интеграции мигрантов в принимающем обществе⁸: в модели 1 — длительность проживания в России, планы на дальнейшее проживание в стране приема; во второй дополнительно идентичность⁹ — российская, этническая, религиозная (табл. 3).

В расширенных моделях значимыми факторами также оказываются возраст, образование и религия. Из включенных в эти модели предикторов не все оказываются значимыми. Так, год приезда в Россию не имеет связи с эгалитарностью гендерных установок в части образовательных возможностей. В то же время желание иммигранта остаться в России навсегда уменьшает вероятность патриархальности его взглядов на гендерное равенство.

Все три добавленные в модель идентичности (российская, этническая, религиозная) значимы для гендерных установок респондентов. Иммигранты, у которых сформирована актуализированная российская идентичность (часто ощущают связь с гражданами России), придерживаются более эгалитарных взглядов. Одновременно с этим сильная этническая и религиозная идентичности — предикторы патриархальных гендерных установок.

Ограничения исследования

Безусловно, мы не можем утверждать, что ответы только на один вопрос показывают ориентации иммигрантов на культурную интеграцию. Однако данный текст — часть более широкого исследования, посвященного интеграции иммигрантов в России в целом, а также ценностной и культурной интеграции в частности¹⁰.

⁸ Мы также исключили фактор наличия детей в стране исхода / оставление их на родине.

⁹ Индикатором были ответы на вопрос: «Как часто Вы можете сказать: “Это — мы” о людях из перечисленных ниже групп? Как часто Вы чувствуете с ними единство, близость?»: все граждане России; люди Вашей национальности; люди Вашей веры.

¹⁰ Первую часть, посвященную ценностям мигрантов, связанным с сексуальной либерализацией (отношением к разводам и добрачному сексу), см.: [30].

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа с дополнительными предикторами для иммигрантов

Опорная категория: патриархальные представления	Зависимая переменная: установки о гендерном равенстве	
	модель 1	модель 2
Пол (женский)	0,160	0,169
Возраст	–0,19*	–0,015*
Образование:	Опорная категория — среднее	
ПТУ, колледж	–0,805**	–0,769*
Высшее	–0,496*	–0,479*
Положение на рынке труда:	Опорная категория — работающие	
Безработные	–0,744	–0,783
Другое ¹¹	–0,498	–0,466
Самооценка материального положения	–0,005	–0,015
Семейное положение:	Опорная категория — в браке	
Разведенные	0,199	0,186
Вдовы	0,162	0,010
Одинокие	0,524	0,270
Религия: Ислам	Опорная	
Православие и другие христианские религии	2,216**	1,914**
Неверующие	–0,129	0,185
Год первого приезда	–0,23	–0,019
Приехал первый раз на долгий срок:	Опорная категория — до 5 лет назад	
От 5 до 10 лет назад	0,517	0,556
От 10 до 15 лет назад	0,403	0,428
Более 15 лет назад	0,178	0,241
Планы на проживание в России (не оставаться)	0,438**	0,418**
Российская идентичность	Опорная категория — часто ощущающие связь	
Иногда	–	–0,918**
Никогда	–	–0,975**
Этническая идентичность	Опорная категория — часто ощущающие связь с людьми своей национальности	
Иногда	–	1,109**
Никогда	–	1,188**
Религиозная идентичность	Опорная категория — часто ощущающие связь с людьми своей веры	
Иногда	–	0,486*
Никогда	–	0,431*
Число наблюдений	640	640
R ² Кокса и Снелла	0,175	0,202
R ² Нэйджелкерка	0,236	0,272
–2 Log — правдоподобие	747,435	726,375
X ²	123,467*** (df = 17)	144,527*** (df = 23)

Примечания: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

¹¹ Включая домохозяек, находящихся в декрете, студентов, пенсионеров.

Разные масштабы выборок по иммигрантам и принимающему населению также накладывают определенные ограничения на выводы. Так, мы не можем говорить о различиях или соответствиях в гендерных установках иммигрантов и принимающего населения данного региона, то есть статистически значимых различиях в рассматриваемых вопросах между иммигрантами и принимающим населением Москвы и МО. Задача нашего анализа — сравнить только общие тенденции отношения к гендерному равенству у иммигрантов, присутствующих в России, и принимающего населения (россиян). В нашем случае данные выборки иммигрантов Москвы и МО нами рассматриваются как пример типичных гендерных установок иммигрантов на основании того, что Московский регион принимает основной иммиграционный поток (более трети, по данным ГУ МВД). А данные по принимающему населению (данные WVS) как пример типичных соответствующих представлений россиян на основании того, что по данному конкретному вопросу не обнаруживается статистически значимых различий между жителями столичных регионов (то есть принимающего населения, среди которого проживают иммигранты нашей выборки) и региональных центров, в которые и приезжает основная часть иммигрантов.

Также стоит учитывать социально-демографические различия респондентов. В выборке по иммигрантам 66,9 % мужчин и 33,1 % женщин. Они представлены главным образом молодым и средним возрастом: 31, 29,1 и 24,4 % находятся в возрасте 21–30, 31–40 и 41–50 лет соответственно. Уровень образования иммигрантов невысок — 47,1 % респондентов имеют образование не выше среднего общего, 9 и 24,6 % — начальное профессиональное и среднее профессиональное соответственно и только 19,3 % — неполное высшее и высшее. Поскольку основную часть входящего потока составляют трудовые иммигранты, 91,1 % опрошенных работают, только по 3 % являются домохозяйками или безработными, 1,1 % — студентами, а 0,3 % — пенсионерами. Среди опрошенных россиян 45,1 % мужчин, 54,9 % женщин. Нет смещения по возрасту: 20,4 % опрошенных — люди 21–30 лет, 19 % — 31–40 лет, 16,5 % — 51–60 лет (остальные — старше). Высшее (или неполное высшее) образование получили 33,3 % респондентов, начальное и среднее профессиональное — 11,8 и 31,3 %, а 23,6 % — не выше среднего общего. 59,3 % работает, 4,2 и 4,2 % — безработные или домохозяйка, 4,9 % — студенты и 26,4 % — пенсионеры.

Заключение

Гендерное неравенство остается актуальной проблемой для большинства стран мира, на воспроизводство которой влияют представления людей о равных возможностях мужчин и женщин в разных сферах жизни общества (культурный фактор). Представления о гендерных ролях формируются на основе социальных норм, принятых в конкретном обществе. Миграция может выступать катализатором изменений гендерных установок, особенно если человек перемещается между обществами с разными гендерными режимами. Изменения в гендерных (и, шире, ценностных) установках мигрантов — важная часть их культурной интеграции в принимающем обществе.

Гендерные установки в отношении равенства образовательных возможностей иммигрантов из постсоветских государств и россиян в значительной мере

различны — иностранцы, 84 % которых составляют граждане стран Средней Азии и Закавказья, имеют более патриархальные взгляды на гендерное равенство, чаще выражая поддержку тезису «высшее образование важнее для мальчика, чем для девочки». Для россиян значимыми факторами влияния на изучаемые представления оказались пол, положение на рынке труда и число детей. Ни религия, ни уровень образования, ни семейное или материальное положение не вносят для них вклада в формирование представлений о гендерном неравенстве. Для иммигрантов предикторами патриархальных взглядов выступают возраст, уровень образования, религия, а также место проживания детей (в России или на родине). Принадлежность к мусульманской религии — стабильный и сильный фактор консервативности иммигрантов. Более молодые, образованные иммигранты, которые привезли детей (семью) в Россию, вероятнее будут иметь эгалитарные гендерные установки.

Отношение к женскому образованию, выступая мостом между частной и публичной сферой, позволяет сделать определенные выводы о факторах влияния на трансформацию ценностных установок иммигрантов. Предикторами таких трансформаций, по результатам нашего исследования, будут стремление иммигрантов связать свою жизнь с Россией (остаться в стране приема навсегда) и формирование общероссийской идентичности (чувства общности со всеми гражданами РФ). Интеграция в этническое и/или религиозное сообщества, напротив, способствует сохранению патриархальных гендерных установок.

В европейском контексте исследователи фиксируют феномен ценностно-аттитюдной мимикрии мигрантов-мусульман [21, с. 176]. Это означает, что если в принимающей стране местное население достаточно гендерно консервативно, то у мигрантов нет необходимости пересматривать собственные установки. Довольно либеральные взгляды демонстрируют мигранты в странах, где уровень гендерного эгалитаризма местного населения очень высок. Россию, учитывая результаты ряда исследований [27; 31], а также ее положение в индексе гендерного неравенства (50-е место, см.: [32, p. 361]), едва ли можно назвать такой страной. Это позволяет иммигрантам не спешить с пересмотром собственных гендерных установок.

Литература

1. Inglehart R. Modernization and postmodernization: cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton: Princeton University Press, 1997.
2. Gundelach P. National value differences: modernization or institutionalization? // International Journal of Comparative Sociology. 1994. Vol. 35, no. 1–2. P. 37–58. <https://doi.org/10.1080/10848779608579463>
3. Ester P., Halman L., Moor R. de. The Individualizing Society: Values Change in Europe and North America. Tilburg: Tilburg University Press, 1993.
4. Wilensky H. L. Rich democracies: Political economy, public policy and performance. Berkeley: University of California Press, 2002.
5. Williams N., Thornton A., Young-DeMarco L. Migrant values and beliefs: How are they different and how do they change? // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2014. Vol. 40, no. 5. P. 796–813. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.830501>
6. Бредникова О. Е. Женская трудовая миграция: смена гендерных контрактов? // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: сб. науч. ст. / под ред. Л. Н. Попковой, И. Н. Тартаковской. Самара: Самарский университет, 2003. С. 143–154.

7. *Penninx R.* Problems of and solutions for the study of Immigrant Integration // *Comparative Migration Studies*. 2019. Vol. 7, no. 13. P.2–11. <https://doi.org/10.1186/s40878-019-0122-x>
8. *Pittin R.* Migration of women in Nigeria: the Hausa case // *International Migration Review*, Special Issue: Women in Migration. 1984. Vol. 18, no. 4. P.1293–1314.
9. *Monsutti A.* Migration as a rite of passage: Young Afghans building masculinity and adulthood in Iran // *Iranian Studies*. 2007. Vol. 40, no. 2. P.167–185. <https://doi.org/10.1080/00210860701276183>
10. *Oishi N.* Gender and migration: an integrative approach // *Center for Comparative Immigration Studies*. 2002. Working Paper no. 49. URL: <https://escholarship.org/uc/item/0s04g29f> (дата обращения: 12.08.2022).
11. *Gordon M.* The Nature of Assimilation. Assimilation in American Life. New York: Oxford University Press, 1964.
12. *Warner W., Srole L.* The Social System of American Ethnic Groups. New Haven: Yale University Press, 1945.
13. *Kosack G.* Migrant women: the move to Western Europe — a step towards emancipation // *Race & Class*. 1976. Vol. 17, no. 4. P.369–380.
14. *Zentgraf K. M.* Immigration and women's empowerment Salvadorans in Los Angeles // *Gender & Society*. 2002. Vol. 16, no. 5. P.625–646. <https://doi.org/10.1177/089124302236989>
15. *Zhou M.* Contemporary Chinese America: Immigration, ethnicity, and community transformation. Philadelphia: Temple University Press, 2009.
16. *Espiritu Y.le.* Gender and labor in Asian immigrant families // *American Behavioral Scientist*. 1999. Vol. 42, iss. 4. P.628–647.
17. *Рочева А. Л.* Трансформация гендерных отношений мигрантов в России (на примере мигрантов из Киргизии в Москве): дис. ... канд. социол. наук. М., 2016.
18. *Foner N.* Beyond the melting pot three decades later: Recent immigrants and New York's new ethnic mixture // *The International Migration Review*. 2000. Vol.34, no. 1. P.255–262. <https://doi.org/10.1177/019791830003400113>
19. *Diehl C., Koenig M., Ruckdeschel K.* Religiosity and gender equality: comparing natives and Muslim migrants in Germany // *Ethnic and Racial Studies*. 2009. Vol. 32, no. 2. P.278–301. <https://doi.org/10.1080/01419870802298454>
20. *Lutz H.* Gender in the migratory process // *Journal of ethnic and migration studies*. 2010. Vol. 36, no. 10. P.1647–1663. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2010.489373>
21. *Костенко В. В.* Гендерные установки мигрантов-мусульман, населения Западной Европы и арабских стран: сравнительный анализ: дис. ... канд. социол. наук. М., 2017.
22. *Yusupova G., Ponarin E.* Social remittances in religion: Muslim migrants in Russia and transformation of Islamic practices // *Problems of Post-Communism*. 2017. Vol. 65, no. 3. P.1–13. <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1224552>
23. *Inglehart R., Norris P.* Rising tide: Gender equality and cultural change around the world. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
24. *Айвазова С. Г.* Трансформация гендерного порядка в странах СНГ: институциональные факторы и эффекты массовой политики // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 4. С. 11–23.
25. *Темкина А.* Добрачная девственность: культурный код гендерного порядка в современной Армении (на примере Еревана) // *Laboratorium*. 2010. № 1. С. 129–159.
26. *Лопатина С. Л., Костенко В. В., Понарин Э. Д.* Дело не в исламе: отношение к абортam, разводам и добрачному сексу в девяти постсоветских государствах // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2016. № 9 (3). С. 95–115.
27. *Лежнина Ю. П.* Трансформация гендерных ролей в современной России // *Общественные науки и современность*. 2013. № 4. С. 165–176.
28. *Тихомиров Д. А., Новицкая К. В.* Представления молодежи Москвы о гендерных ролях и характеристиках современной женщины // *Горизонты гуманитарного знания*. 2018. № 3. С. 90–102.
29. *Григорьева К. С., Эндрюшко А. А.* Различия в гендерном порядке дагестанцев и москвичей в восприятии сельских жителей РД // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2018. № 10 (124). С. 53–62.
30. *Эндрюшко А. А.* Трансформация ценностей иммигрантов в контексте их культурной интеграции: отношение к разводам и добрачным сексуальным отношениям // *Демографическое обозрение*. 2022. Т. 9, № 3. С. 58–74.
31. *Смирнова А. В.* Представления школьников и студентов о гендерных ролях мужчин и женщин в современном российском обществе // *Женщина в российском обществе*. 2005. № 1–2. С. 26–33.

Контактная информация:

Эндрюшко Анна Александровна — канд. социол. наук; anna.endryushko@mail.ru

Gender attitudes of immigrants in Russia (on the example of concepts of equal educational opportunities)

A. A. Endryushko

Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
24/35, ul. Krzhizhanovskogo, Moscow, 117218, Russian Federation

For citation: Endryushko A. A. Gender attitudes of immigrants in Russia (on the example of concepts of equal educational opportunities). *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2023, vol. 16, issue 1, pp. 65–80. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.104> (In Russian)

Attitudes towards gender equality have significant differences in different countries of the world. These differences are especially felt in migratory movements, when people are faced with different gender regimes. This article is devoted to the study of ideas about gender equality of immigrants from post-Soviet countries in Russia, as well as their comparison with similar attitudes of Russians. The empirical basis of the study was a survey of immigrants from the CIS countries, Ukraine and Georgia (autumn 2020, 700 respondents). Data on Russians is taken from the seventh wave of the World Values Survey (2017, 1810 respondents). Despite the common historical past, the gender attitudes of immigrants and Russians differ — the former more often agree with the thesis that higher education is more important for a boy than for a girl. Predictors of influence on gender attitudes were identified. For Russians, gender, position in the labor market and the number of children turned out to be significant. For immigrants, predictors of patriarchal gender perceptions were older age, lower levels of education, and adherence to the Muslim religion. An extended regression model for immigrants also led to the conclusion that it is not the length of time migrants live in the host country that affects the transformation of their gender attitudes, but the intention to connect their lives with Russia, the formation of an all-Russian identity (a sense of community with the citizens of the Russian Federation). At the same time, the position of Russia as a country that has not overcome the problem of gender inequality (50th place in the world ranking), coupled with the patriarchal ideas of some Russians, may allow immigrants not to rush to revise their own gender attitudes.

Keywords: immigrants, cultural integration, gender inequality, gender attitudes, patriarchal values.

References

1. Inglehart R. *Modernization and postmodernization: cultural, economic, and political change in 43 societies*. Princeton, Princeton University Press, 1997.
2. Gundelach P. National value differences: modernization or institutionalization? *International Journal of Comparative Sociology*, 1994, Vol. 35, no. 1–2, pp. 37–58. <https://doi.org/10.1080/10848779608579463>
3. Ester P., Halman L., Moor R. de. *The Individualizing Society: Values Change in Europe and North America*. Tilburg, Tilburg University Press, 1993.

4. Wilensky H.L. *Rich democracies: Political economy, public policy and performance*. Berkeley, University of California Press, 2002.
5. Williams N., Thornton A., Young-DeMarco L. Migrant values and beliefs: How are they different and how do they change? *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2014, vol. 40, no. 5, pp. 796–813. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.830501>
6. Brednikova O.E. Women's labor migration: changing gender contracts? *Gendernye otnosheniia v sovremennoi Rossii: issledovaniia 1990-kh godov: sb. nauch. st.*, L.N. Popkova, I.N. Tartakovskaia (eds). Samara, Samara University Publ., 2003, pp. 143–154. (In Russian)
7. Penninx R. Problems of and solutions for the study of Immigrant Integration. *Comparative Migration Studies*, 2019, Vol. 7, no. 13, pp. 2–11. <https://doi.org/10.1186/s40878-019-0122-x>
8. Pittin R. Migration of women in Nigeria: the Hausa case. *International Migration Review, spec. iss.: Women in Migration*, 1984, Vol. 18, no. 4, pp. 1293–1314.
9. Monsutti A. Migration as a rite of passage: Young Afghans building masculinity and adulthood in Iran. *Iranian Studies*, 2007, Vol. 40, no. 2, pp. 167–185. <https://doi.org/10.1080/00210860701276183>
10. Oishi N. Gender and migration: an integrative approach. *Center for Comparative Immigration Studies*, 2002, Working Paper no. 49. Available at: <https://escholarship.org/uc/item/0s04g29f> (accessed: 12.08.2022).
11. Gordon M. *The Nature of Assimilation. Assimilation in American Life*. New York, Oxford University Press, 1964.
12. Warner W., Srole L. *The Social System of American Ethnic Groups*. New Haven, Yale University Press, 1945.
13. Kosack G. Migrant women: the move to Western Europe — a step towards emancipation. *Race & Class*, 1976, Vol. 17, no. 4, pp. 369–380.
14. Zentgraf K.M. Immigration and women's empowerment Salvadorans in Los Angeles. *Gender & Society*, 2002, Vol. 16, no. 5, pp. 625–646. <https://doi.org/10.1177/089124302236989>
15. Zhou M. *Contemporary Chinese America: Immigration, ethnicity, and community transformation*. Philadelphia, Temple University Press, 2009.
16. Espiritu Y., le. Gender and labor in Asian immigrant families. *American Behavioral Scientist*, 1999, vol. 42, iss. 4, pp. 628–647.
17. Rocheva A.L. *Transformation of gender relations of migrants in Russia (on the example of migrants from Kyrgyzstan in Moscow)*: dissertation. Moscow, 2016. (In Russian)
18. Foner N. Beyond the melting pot three decades later: Recent immigrants and New York's new ethnic mixture. *The International Migration Review*, 2000, vol. 34, no. 1, pp. 255–262. <https://doi.org/10.1177/019791830003400113>
19. Diehl C., Koenig M., Ruckdeschel K. Religiosity and gender equality: comparing natives and Muslim migrants in Germany. *Ethnic and Racial Studies*, 2009, Vol. 32, no. 2, pp. 278–301. <https://doi.org/10.1080/01419870802298454>
20. Lutz H. Gender in the migratory process. *Journal of ethnic and migration studies*, 2010, vol. 36, no. 10, pp. 1647–1663. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2010.489373>
21. Kostenko V.V. *Gender attitudes of Muslim migrants, the population of Western Europe and Arab countries: a comparative analysis*: dissertation. Moscow, 2017. (In Russian)
22. Yusupova G., Ponarin E. Social remittances in religion: Muslim migrants in Russia and transformation of Islamic practices. *Problems of Post-Communism*, 2017, vol. 65, no. 3, pp. 1–13. <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1224552>
23. Inglehart R., Norris P. *Rising Tide: Gender equality and cultural change around the world*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003.
24. Ajvazova S.G. Transformation of gender order in CIS countries: institutional factors and mass politics effects. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2014, no. 4, pp. 11–23. (In Russian)
25. Temkina A. Premarital virginity: the cultural code of the gender order in modern Armenia (on the example of Yerevan). *Laboratorium*, 2010, no. 1, pp. 129–159. (In Russian)
26. Lopatina S., Kostenko V., Ponarin E. It's not about Islam: Attitudes towards abortion, divorce and premarital sex in nine post-Soviet states. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2016, no. 3, pp. 95–115. (In Russian)
27. Lezhnina Yu. P. Transformation of Gender Roles in Modern Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2013, no. 4, pp. 165–176. (In Russian)
28. Tihomirov D.A., Novickaya K.V. Ideas of the youth of Moscow about the gender roles and characteristics of a modern woman. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, 2018, no. 3, pp. 90–102. (In Russian)

29. Grigor'eva K. S., Endryushko A. A. Differences in the gender order of Dagestanis and Muscovites in the perception of rural residents of Dagestan. *Etnosotsium i mezhnatsional'naia kul'tura*, 2018, no. 10, pp. 53–62. (In Russian)
30. Endryushko A. A. The transformation of immigrant values in the context of their cultural integration: attitudes towards divorce and premarital sexual relations. *Demograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 9 (3), pp. 58–74. (In Russian)
31. Smirnova A. V. Representations of schoolchildren and students about the gender roles of men and women in modern Russian society. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2005, no. 1–2, pp. 26–33. (In Russian)
32. *Human Development Report*. 2020. Available at: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2020/12/hdr2020.pdf> (accessed: 25.08.2022).

Received: September 2, 2022

Accepted: February 17, 2023

Author's information:

Anna A. Endryushko — PhD in Sociology; anna.endryushko@mail.ru